

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name

Voprosy onomastiki, 2016, Volume 13, Issue 1, pp. 85–116

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005

Language of the article: Russian

Феоктистова Любовь Александровна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени

Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
УДК 811.161.1'373.231 + 811.162.1'373.231 +
+ 811.112.4'373.231

Л. А. Феоктистова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ЛИЧНОГО ИМЕНИ

В статье на материале апеллятивной лексики, производной от имени *Иван*, а также фразеологизмов и паремий с его «участием» рассматриваются возможности анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени как такового с опорой на предложенную М. В. Голомидовой и дополненную Е. Л. Березович модель семантики онима. В рамках этой модели выделяется ономастическая «вертикаль» — иерархия смысловых компонентов, подобная той, которая выстраивается для «апеллятивного» значения (концептуальное ядро, прагматическая зона и семантические связи), — и «горизонталь» — диапазон семантического «рассеивания» имени, определяемый его способностью участвовать в деривационных процессах. Любой факт вторичного употребления имени можно представить как проекцию одного или нескольких компонентов исходной семантики онима. Автор сосредоточивается на анализе компонентов семантики личного имени, участвующих во вторичной номинации на его основе — общего и частного категориального компонентов, которые выявляются через противопоставление имени апеллятиву и разных разрядов онимов друг другу, частного индивидуализирующего компонента (денотативная отнесенность личного имени), а также относящихся к зоне прагматики фреймового (представления о специфике применения имени), эмотивного и коннотативного компонентов. Апеллятивно-ономастическая периферия образуемой личным именем *Иван* полевой структуры весьма обширна и представляет собой богатый материал для подобных теоретико-методических наблюдений, более того — позволяет расширить и уточнить представления о семантике личного имени, дополнив исходную модель входящими соответственно в ядерную и периферийную зоны гендерным и этническим компонентами.

© Феоктистова Л. А., 2016

Автор также обращает внимание на возможность комплексной мотивации деонимов при актуализации сразу нескольких смысловых составляющих имени или же под действием иных системно-языковых механизмов (включение в существующую модель отантропонимической номинации, влияние коннотативного фона других созвучных данному имени антропонимов и пр.).

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык, антропоним, семантика личного имени, коннотация, апеллятивизация, деривационно-фразеологическое гнездо имени.

1. Постановка вопроса

Феномен апеллятивизации имени собственного неизменно привлекает внимание исследователей. Работы, посвященные этой тематике, демонстрируют разнообразие исследовательских подходов к анализу отономастических дериватов (системно-структурный, семасиологический, мотивационный, этимологический, этнолингвистический), но, как правило, объектом анализа в них становятся разрозненные факты без попыток их систематизации¹. Вместе с тем закономерен поиск общих путей и моделей развития именами собственными определенных апеллятивных значений² и стоящих за этими моделями представлений и когнитивных сценариев.

Систематизация вторичных значений как апеллятивов, так и онимов может осуществляться двумя прямо противоположными, но не взаимоисключающими способами — от плана выражения к плану содержания («семасиологический» подход) — и, наоборот, от плана содержания к плану выражения («ономастический»); в первом случае объектом анализа является деривационно-фразеологическое гнездо имени (о термине см. ниже), во втором — лексико-семантическая (тематическая) группа, куда входят апеллятивные дериваты разных имен и фразеологизмы с их участием, объединенные общностью не производящей основы, а производной семантики. Одним из «побочных эффектов» использования данных методик анализа является определение, помимо общих закономерностей семантического развития, специфики либо исходного значения имени (при «семасиологическом» подходе), либо способов отыменной номинации (при «ономастическом»). Объективная оценка степени уникальности (или универсальности) того и другого при этом напрямую зависит от объема материала, в том числе и от количества привлекаемых к анализу языков³.

¹ О преобладании эмпирического отношения к этому языковому материалу также пишет И. В. Родионова [2005, 159].

² Семантические (мотивационные) модели в качестве инструмента анализа позволяют осуществить каталогизацию разрозненных случаев сходного развития значений и рассматриваются в качестве одного из движущих факторов смысловой эволюции слова.

³ Об опыте контрастивного анализа «апеллятивных» значений рус. *Иван* и его коррелятов в польском и французском языках — *Jan* и *Jean* соответственно — см. [Спиридонов, Феоктистова, 2011; 2015].

2. К построению модели описания (от)ономастической семантики

Если обратиться к апеллятивной лексике и фразеологии отантропонимического происхождения, то примером «ономастиологического» подхода может служить работа И. В. Родионовой [2005], где представлена идеографическая классификация номинаций-субстантивов, которые обозначают особенности характера или поведения человека в русских народных говорах и которые автор рассматривает как образующие специфический «номинативный комплекс» — «полевую структуру, формирующуюся и развивающуюся в соответствии с определенными принципами», ставя перед собой целью как раз выявление этих принципов [Там же, 159–160]. В числе работ ономастиологической направленности можно также упомянуть публикации Т. В. Леонтьевой [2008, 101–108] и Д. М. Голиковой [2014], которые посвящены изучению антропонимического кода в лексико-семантическом поле, описывающем интеллектуальную деятельность человека (на материале русского и/или французского языков), А. В. Гуры [1997, 528 и далее] — об обозначениях личными именами различных птиц в славянской народной традиции, Ю. А. Кривошаповой [2007, 92–97] — о номинации насекомых посредством «наделения» их личными именами в русском языке (на фоне славянских), В. Б. Колосовой [2009, 86–96] — об антропонимах в славянской фитонимике.

Среди работ «семасиологической» направленности [см., в частности: Березович, 2007, 518–551; Двинятин, 2001; Рут, 2008а; 2008б; Спиридонов, 2011; Спиридонов, Феоктистова, 2015] хотелось бы отметить статьи Е. Л. Березович и Д. В. Спиридонова.

Е. Л. Березович, обращаясь к анализу коннотативной семантики личного имени *Афанасий*, предлагает модель описания ономастических коннотаций, которая включает, во-первых, тематическую классификацию нарицательных производных от изучаемого имени и поиск семантических параллелей среди дериватов других имен (прежде всего созвучных данному); во-вторых, выявление мотивов — черт языкового образа носителя имени — в рамках выделенных тематических сфер (мотив глупости, медлительности, слепоты и т. п.), также с указанием параллелей — но не только среди деонимов (например, мотив глупости в номинациях водящего в игре, помимо дериватов от имени *Афанасий*, выражается словами *дурак*, *болван* и т. п.); в-третьих, установление закономерностей в реализации тех или иных мотивов в отдельных тематических сферах, а также соотнесенности мотивов и/или сфер [см.: Березович, 2007, 518–519]. Автор обращает внимание на то, что ведущую роль при создании коннотаций семантически (мотивационно) «ущербного» личного имени играют системно-языковые факторы, как сугубо формальные (рифма, паронимическая аттракция, фоносимволика, анаграмма), так и семантические (включение в существующую

модель отантропонимической номинации, влияние коннотативного фона других, созвучных данному имени антропонимов или обозначающих те же, что и деоним, реалии нарицательных (неотыменных по происхождению) слов и пр.) [Березович, 2007, 548–551].

Статья Д. В. Спиридонова посвящена анализу периферии коннотативной семантики французского имени *Жак* (*Jacques*), возникающей в результате совпадения формы имени с диалектным апеллятивом *jac*. Объект анализа — морфосемантическое поле — побуждает автора разграничить следующие случаи появления у имени собственного омонимичного ему апеллятива, служащего средством верификации присущих ему коннотаций:

— собственно апеллятивизация, т. е. мотивированный значением имени собственного его переход в разряд имен нарицательных (фр. *Jean* (Жан) → *jean* ‘недалекий, наивный человек, простак’);

— паронимическая аттракция, при которой имени собственному «навязывается» семантика созвучного апеллятива (фр. диал. *guillaume* ‘сопли, вызванные использованием нюхательного табака’, возникшее при притяжении имени *Guillaume* к глаголу *guiler* ‘течь с силой, исторгаться, идти (о ливне)’)⁴;

— «скрещивание» омонимичных форм имени собственного и нарицательного (фр. диал. *jan* ‘колючее растение утесник, *Ulex Europaeus* L.’, по форме совпадающее с антропонимом *Jean* (Жан), ср. диал. *Jean Dépeigne* <лохматый Жан> ‘утесник’ = *jan d’épine* <колючий утесник>) [см.: Спиридонов, 2011, 37–38].

Д. В. Спиридонов справедливо указывает на «а п о с т е р и о р н ы й» характер коннотаций, возникающих под действием системно-языковых факторов [Там же, 38].

В настоящей публикации нам бы хотелось продолжить обсуждение затронутых этими авторами теоретико-методических вопросов, касающихся принципов семантико-мотивационной реконструкции деонимов, сосредоточившись на рассмотрении случаев «собственно апеллятивизации»⁵.

⁴ О процессах аттракции с участием отантропонимических дериватов на материале русских народных говоров см. [Родионова, 2005, 182–183; 2007].

⁵ С. М. Толстая указывает на неопределенность и неоднозначность терминов *апеллятив*, *апеллятивизация* (равно как и *оним*, *онимизация*). «...Для определения взаимного отношения апеллятивов и онимов и производных от них понятий апеллятивизации и онимизации существенны три параметра: форма (лексика, грамматика, внутренняя форма, семантическая модель), функция (индивидуализация, персонификация и др.), семантика и прагматика (денотативная область, соотношение денотации и референции). Роль этих параметров в разных случаях переходов в пределах шкалы “апеллятив — оним” различна в зависимости от разряда лексики и характера номинируемых объектов при безусловном приоритете функционального (прагматического) фактора» [Толстая, 2005, 27]. М. Рутковский предлагает разграничивать *апеллятивизацию* и предшествующую ей *деонимизацию*: «Деонимизация могла бы означать более широкое явление ослабления и/или утраты денотативной отнесенности, устранения жесткой десигнации, тогда как апеллятивизация — явление новой лексической единицы на основе ономастической единицы и включение ее в число апеллятивов» [Rutkowski, 2007, 29] (перевод с польск. наш. — Л. Ф.).

Е. Л. Березович подходит к трактовке феномена апеллятивизации прежде всего с точки зрения теории коннотации, рассматривая данное явление как способ преодоления «семантической недостаточности» имени собственного за счет создания у него коннотативного фона, ср.: «ИС наделяется коннотациями в первую очередь тогда, когда переносит деонимизацию (полную или частичную), обретая тем самым сигнификат» [Березович, 2007, 63]. В то же время нельзя все же не учитывать наличие связи онима с понятием (о чем пишет сама Е. Л. Березович, выстраивая модель топонимической семантики⁶), а значит, и возможности актуализации при апеллятивной деривации иных, чем коннотация, компонентов проприального значения.

В статье [Феоктистова, 2012] мы уже предпринимали попытку выяснить степень и характер участия отдельных смысловых компонентов антропонима в деривации (и мотивации) отыменных апеллятивов, опираясь на модель описания семантики имени, которая была предложена М. В. Голомидовой [1998, 16–28] и дополнена (применительно к топонимам) Е. Л. Березович [2007, 51–58]. В рамках данной модели выделяется концептуальное ядро и периферия, которую составляет зона прагматики. Ядро семантики онима формируют общий и частный категориальный компоненты (они выявляются соответственно через противопоставление имени апеллятиву и разных разрядов онимов друг другу), а также частные компоненты: характеризующий (мотивационное значение имени) и индивидуализирующий (его денотативная отнесенность); к периферии же относятся фреймовый (представления о специфике применения имени), эмотивный (эмоционально-стилистическая окраска имени) и коннотативный компоненты (подробнее о них см. ниже). Любой факт вторичного употребления имени можно, на наш взгляд, представить как экспликацию одного или нескольких компонентов его значения⁷.

В упомянутой публикации объектом нашего анализа стали апеллятивные производные от разных личных имен в русском и польском языках (преимущественно в диалектных формах их существования). В настоящей статье мы попытаемся применить данную модель (с необходимыми уточнениями и дополнениями)

⁶ «...Включенность имен собственных (ИС) в познавательные процессы, теснейшее взаимодействие с именами нарицательными (ИН), реальные условия функционирования ИС неопровержимо свидетельствуют о том, что проприальное слово связано с понятием, — но эта связь устроена иначе, чем у слова апеллятивного» [Березович, 2007, 51].

⁷ Здесь важно подчеркнуть, что речь идет о семантике так называемого «невоплощенного» имени, которое — в противоположность «воплощенному» — не имеет конкретно-референтной отнесенности (об этих и других терминах — «актуальный» / «потенциальный (виртуальный) антропоним» и пр. — в отечественной ономастике см. [Смольников, 2005]). М. Э. Рут пишет о «двуликости» антропонима, который существует как бы сам по себе и как личное имя конкретного человека, и обращает внимание на различия в семантике этих двух его ипостасей, используя в своих рассуждениях все ту же, определяющую в общем виде структуру лексического значения схему: сигнификат — денотат — коннотат [см.: Рут, 2001].

к описанию (ассоциативно)-деривационной⁸ и фразеологической семантики одного русского личного имени.

3. Объект анализа — деривационно-фразеологическое гнездо личного имени

Речь пойдет о мужском каноническом имени *Иван*, которое в силу частотности своего употребления стало, как нередко его характеризуют, «именем вообще», «именем как таковым» и «обросло» многочисленными вторичными производными, в том числе апеллятивными. Это имя не раз становилось объектом анализа (как правило, в составе биннома *Иван-да-Марья*)⁹ и, пожалуй, без преувеличения могло бы стать «героем» отдельного монографического исследования. В статье [Спиридонов, Феоктистова, 2015] мы попытались в общих чертах составить «портреты» носителя русского имени *Иван* и его «тезок» в польском и французском языках (*Jan* и *Jean* соответственно). Однако рамки упомянутой статьи не позволили в полной мере представить факты апеллятивизации и фразеологизации имен, которые попали в поле нашего зрения, поэтому здесь нам бы хотелось, помимо прочего, дополнить языковой портрет «русского Ивана» не учтенными ранее примерами.

Объект нашего анализа можно было бы определить как деривационно-фразеологическое гнездо имени — «семанτικο-деривационный комплекс, в который входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической и семанτικο-словообразовательной деривации на основе вершинного слова, а также фразеологизмы с его участием» [Березович, 2014, 14]. Данный термин и понятие применительно к (от)ономастическому материалу используется в публикациях [Березович, Кривошапова, 2011; 2015а; 2015б; Кривошапова, 2015], где производится реконструкция культурно-языковых образов нескольких географических объектов — Волги, Сибири, Москвы.

В рамках деривационно-фразеологического гнезда личного имени объединяются факты вторичного употребления различных форм имени, неразрывно связанные друг с другом (об этом, в частности, свидетельствует возможность варьирования формы имени во вторичном употреблении: например, *иван-дурак*

⁸ Е. Л. Березович (со ссылкой на Д. Н. Шмелева) отмечает, что деривационная семантика слова, понимаемая как «комплекс значений его семантических и семанτικο-словообразовательных дериватов», по сути является *ассоциативно-деривационной*, поскольку лексико-семантические варианты многозначных слов нередко соотносятся друг с другом на основе не проявленных в первичном значении слова ассоциативных признаков [см.: Березович, 2014, 14]. Данные термин и понятие — *ассоциативно-деривационная семантика* — используются также в диссертации А. В. Тихомировой [2013].

⁹ См., в частности: [Березович, 2007, 278–292 (здесь же литература); Грачев, 2009, 286–301; Гура, 1997, 502; Иванова, 2010; Колосова, 2009, 87, 162–168; Кривошапова, 2007, 95–97; Родионова, 2000, 165–173; Степанова, 2010; Шур, 2010, 90–99; Юрина, 2010].

и *иванушка-дурачок*, *в́аня-дурáня* и *в́анюшка-дурáнюшка*). Иными словами, мы имеем дело с семантико-derivационным комплексом, состоящим из нескольких гнезд, вершинами которых являются разные формы одного личного имени, при этом их апеллятивные производные могут иметь различную частеречную принадлежность (см., например, помимо приведенных субстантивов: брян. (*язычок* у кого) *как у иванькиной матки* ‘об очень болтливом человеке’ [БСРС, 229, 378]; иркут. *ивáнить*, прибайк. *ивáниться* ‘заснаваться, важничать, вести себя высокомерно, хвастаться’ [СРГПриб, 1, 148; СРГС, 1/2, 257; СРГЯ, Г–И, 97; СРНГ, 12, 55; и др.]¹⁰).

Вместе с тем, на наш взгляд, возможно (и целесообразно) расширение перечня языковых фактов, привлекаемых к анализу derivационной семантики личного имени, за счет паремий, близких по своей природе к фразеологизмам (поговорки и пословицы нередко рассматриваются как часть фразеологического фонда языка, а фразеологизмы точно так же, как часть пословичного).

Следует, кроме того, учитывать и известную «градуальность ономастических свойств» — об этом, в частности, пишет, вслед за В. Н. Топоровым, С. М. Толстая: «Исходные понятия апеллятив и оним <...> не составляют строгой оппозиции по тем или иным заданным признакам, а образуют некоторую шкалу “апеллятивности” — “ономастичности” (“проприальности”)), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому ее полюсу» [Толстая, 2005, 24].

С учетом всего этого объект анализа, наверное, корректнее было бы выстраивать как *полевую* структуру, ядерную и околядерную зоны которой образовывали бы различные формы «воплощенного» и «невоплощенного» личного имени (соответственно — имеющего или не имеющего конкретно-референтной отнесенности), а периферия была бы представлена апеллятивной лексикой, фразеологией и паремиологией.

Олевой структуре применительно к тому семантическому комплексу, который составляют антропонимические субстантивы, обозначающие особенности характера или поведения человека, пишет И. В. Родионова (см. выше); о морфосемантическом *поле*, которое образуют апеллятивные корреляты личного имени, связанные с ним этимологически и/или паронимически, — Д. В. Спиридонов [2011, 39]. Ср. также рассуждения Е. Л. Березович о двух измерениях ономастической семантики, взятой в этнокультурной перспективе, — «вертикальном» и «горизонтальном». «Вертикальное измерение создается иерархией

¹⁰ Структурная классификация апеллятивных дериватов антропонима — вопрос, требующий отдельного рассмотрения; пример подобной классификации см. в работах: [Родионова, 2000, 26–28; 2004б, 122]. О составе образуемого личным именем семантико-derivационного комплекса см. также в нашей статье [Феоктистова, 2012, 230–232].

семантических пластов — от поверхностных, явных, реализуемых в данном конкретном языковом факте, до глубинных, неявных, обнаруживающих логику организации группы сходных смыслов, от семемы до семантического поля; горизонтальное же измерение факультативно и представляет собой диапазон семантического “рассеивания” имени, которое, не переставая обозначать единичный объект, начинает прилагаться к другим явлениям действительности» [Березович, 2007, 60], т. е. по сути речь также идет о некоей полевой структуре¹¹. Данную структуру можно было бы обозначить термином *о н и м о - а п е л л я т и в н ы й к о м п л е к с*¹².

Описав в общих чертах объект и методику анализа, обратимся к анализу конкретного материала, ставя перед собой задачу продемонстрировать интерпретационные возможности рассмотренной выше модели описания ономастического значения при семантико-мотивационной реконструкции некоторых единиц обозначаемого личным именем *Иван* онимо-апеллятивного комплекса.

4. Ассоциативно-деривационная семантика личного имени *Иван* в проекции на структуру значения антропонима

4.1. Экспликация ядерных компонентов значения имени

4.1.1. Общий категориальный компонент значения имени в процессе его апеллятивизации, естественно, в значительной мере редуцируется, но не утрачивается полностью: благодаря тому, что производный апеллятив сохраняет явную связь с производящей основой — личным именем, данный компонент актуализируется в сознании говорящего. «Это употребление личного имени скорее подобно метафорическому, поскольку сохраняется частная категориальная семантика антропонима (идея его отнесенности к классу людей) и параллельно с этим продуцируются дополнительные, новые смыслы, все же не обладающие такой силой и устойчивостью, чтобы совершенно превратить антропоним в апеллятив: если носитель языка называет гриб *дунькой*, а неряшливую женщину *маланьей*, в его сознании не происходит полного абстрагирования от того факта, что *Дуня* и *Маланья* прежде всего женские имена...» [Родионова, 2004а, 63]. В связи с этим следует подчеркнуть, что о присутствии общего

¹¹ Аналогичным образом, как полевую структуру, Т. А. Сироткина рассматривает семантико-деривационный комплекс, в состав которого входят этнонимы, фразеологизмы с этническим компонентом, отэтнонимические нарицательные обозначения, этнопонимы и этноантропонимы [см.: Сироткина, 2008].

¹² Ср. термин *апеллятивно-онимический комплекс*, под которым понимается сочетание апеллятивного термина (гиперонима) и собственного имени (имен): *господин Иванов, город Москва, автомобиль «Волга», икона «Троица» Андрея Рублева* и т. п. [см. об этом, в частности: Супрун, 2012].

категориального компонента ономастической семантики можно говорить при осознанности факта деривации носителями языка (т. е. тогда, когда отантропонимический апеллатив обладает свойством мотивированности) и при условии, что в их языковом сознании существует оппозиция «имя собственное — имя нарицательное»¹³.

Если С. М. Толстая пишет о градуальности ономастических свойств применительно к разным разрядам онимов и апеллативов (см. выше), то И. В. Родионова обнаруживает ту же градуальность при переходе от онимов к апеллативам и зависимость ее прежде всего от формальных показателей: «...По тому, какие структурные типы присутствуют и преобладают в номинативной парадигме имени, мы можем судить о присущей ему в данной языковой традиции степени деонимизации, т. е. включенности в систему языка в качестве единицы с апеллативными функциями. Следует, очевидно, признать ее высокой, если имя продуцирует разнообразные “однокоренные” дериваты, отличающиеся от традиционных производных онома (ср. сущ. *адамина*, глаг. *христать*, *нахристить*, *пилатиться*), и является компонентом фразеологизмов, которые характеризуются нетипичным словоупотреблением (ср. *из-под адама*; *какому-то христу*; *на христе христом*)» [Родионова, 2000, 27–28].

На одном полюсе шкалы, таким образом, находятся словообразовательные дериваты имени, ср. примеры из нашего материала: дон. *иванóк* ‘птица синица (*Parus major*)’ [СРДГ, 2, 35], курск. *ивáнчик* ‘божья коровка’ [СРНГ, 12, 57]; волог. *ивáник* ‘название некоторых трубчатых грибов (моховика, подберезовика, белого гриба и др.)’ [СВГ, 3, 3; СГРС, 4, 298]. Однако у глаголов, по мнению И. В. Родионовой [2004а, 64], отсылка к категориальной семантике онима является наиболее слабой — см. примеры в цитате выше, а также: иркут. *ивáнить*, прибайк. *ивáниться* ‘заснаваться, важничать, вести себя высокомерно, хвастаться’ [СРГПриб, 1, 148; СРГС, 1/2, 257; СРГЯ, Г–И, 97; СРНГ, 12, 55], смол. *заивáнивать* ‘сочинять, врать’ [ССГ, 4, 68]; и др.

¹³ О нерелевантности для наивного сознания данной оппозиции пишет Р. Кухажик, считая, что носитель диалекта не проводит границы между именем собственным и нарицательным постольку, поскольку приписывает и тем и другим конкретную семантику. В качестве иллюстрации этого тезиса автор упоминает имена разбойников, которые давались в соответствии с их внешним видом и личностными чертами: так, например, имя *Kuba* получал высокий и сильный разбойник, *Maciek* — слабый, *Jacek* — боязливый, *Janek* — способный и умный, и т. п. Хотя, по мнению исследовательницы, эти имена и функционируют как типичные антропонимы, они представляют собой апеллативные единицы с конкретным лексическим значением [см.: Kucharzyk, 2010, 168]. Вместе с тем приводимые Е. Д. Бондаренко языковые данные свидетельствуют скорее об обратном: дериваты корня **jъtę* обозначают в первую очередь личное имя человека, тогда как производные корня **klik-* недифференцированно указывают на фамилию (не имя!), кличку животного, название географического объекта или предмета — т. е. в народной среде оппозиция «имя собственное — имя нарицательное» осмысливается особым образом — как противопоставление «имя человека — имя не-человека» [Бондаренко, 2015, 121–122].

На другом же полюсе шкалы, очевидно, следует разместить случаи употребления имени во мн. ч., см.: помор. *Иванов что грибов поганых* 'о множестве людей по имени Иван' (пословица) [БСРС, 152].

4.1.2. О возможности актуализации не общего, а частного категориального компонента («человек») свидетельствуют вят. *иван* 'именование ребенка мужского пола до крещения' («Матрёна родила Ивана») [ОСВГ, 4, 211] и курск. *иваньчики* 'отражение в глазных зрачках' [Опыт, 73], перм. *ваня (ванька) гульный* 'о неверном, распутном' («Вот и мой Ваня гульной домой катит, чтоб ему худо стало. Михаил, не стыдно ли тебе шататься по стороне?») [СПГ, 1, 77; СРГЮП, 1, 97], читин. *ванька ветров* 'чужак, неизвестный и не вызывающий доверия человек' («Говорит, скотский врач. А сам ванька ветров, вот кто! Да с ниоткуда») [ФЧ, 12]¹⁴. Однако чаще подобное обобщенное значение человека личное имя приобретает в устойчивых текстовых сочетаниях, ср.: пск. *умри ж, мой ванька* 'клятвенное заверение в чем-либо: в самом деле, действительно так' («Умри же, мой ванька, не вижу») [ПОС, 3, 32; СППП, 19]; пск. *убедного ванюшки всё в жопе камушки* 'о невезучем человеке' [СППП, 19]; и др. Очевидно, что у частотных имен вероятность употребления в обобщенном значении 'человек' выше, чем у имен непопулярных.

Актуализации частного категориального компонента способствует использование имени во мн. ч., встречающееся в пословицах — помимо приведенного выше *Иванов что грибов поганых*, см.: *У иван нет карман, а все спрячут* 'о вороватых людях' («На любавинских (приисках) жила, золото мыли, ковыряли маленько. Некоторые брали себе, строго было, а брали. У иван нет карман, а всё спрячут») [ФЧ, 39].

Ввиду присутствия в значении личного имени семы 'человек' становится возможной экспликация посредством отантропонимической номинации антропоморфного восприятия других живых существ, а также предметов, явлений и пр.¹⁵, и, кроме того, «персонификация» элементов какой-либо (псевдо)реальной ситуации — см. перм. *испорухал ванька маньку* 'о испорченной вещи' («Ну вот, копался-копался в тракторе, теперь не заводится. Испорухал ванька маньку») [СРГЮП, 1, 357]; печор. *не Ванька смотрит, не Сенька глядит (не Сенька смотрит, не Ванька глядит)* без указ. знач.: «Раньше, когда девушка оденется неряшливо, так ей это скажут, а она и ответит: “А не Ванька смотрит, не Сенька

¹⁴ См. об этом также: [Kucharzyk, 2010, 41; Феоктистова, 2012, 232–233]. И. В. Родионова, рассуждая о феномене апеллятивизации антропонима, как раз отмечает сохранение при подобной семантической деривации частной категориальной семантики личного имени (см. выше).

¹⁵ См. примеры выше, а также: забайк. *иван* — *вон там* 'указание на какой-либо удаленный предмет' [СРНГ, 12, 53], пск. *ванюшка* 'деталь самопрямки — тонкая деревянная планка, присоединяемая одним концом к подножке, другим — к коленчатому валу и служащая для вращения колеса' [ПОС, 3, 32], рус. карел. *ванюшка* 'самовар' [СРГК, 1, 161]; помимо предметной лексики отантропонимическая номинация распространена среди демонимов: арх. *Иван Чародей* 'мифическое существо, обитающее в лесу, леший' («Заходишь в лес, говорят: Иван Чародей да Марья Николаевна, дай заходу и выходу, и грибов, и ягод») [СГРС, 4, 297–298].

глядит». Значит, не женихи, а для других и стараться нечего»; «Ладно ли у меня платок сзади? — Ничё, ничё, не Сенька смотрит, не Ванька глядит» [ФСГНП, II, 79, 96]; арх. «Сенька дома — Ваньки нет, в головы-то» (о неадекватном поведении человека в какой-либо ситуации; «не все дома» у кого-либо) [КАОС; цит. по: Качинская, 2005, 85].

Наличие частного категориального компонента, кроме того, обуславливает варьирование имени во фразеологизме, ср. печор. *маша не чешишь и ваня не царапайся* 'о чем-либо сделанном очень хорошо' («Сосед-то у меня так сено застоговал — Маша не чешишь и Ваня не царапайся»; «Так ведь стол сбробил, ну просто Маша не чешишь и Ваня не царапайся») [ФСГНП, I, 397] и байк. *васька не царапайся и танька не чешишь* 'безразлично, все равно; горя мало' («А раньше эти праздники! И так гуляли, и кумпаниями. Не то что теперь по зауголью. Бутылку через горло и — Васька не царапайся и Танька не чешишь») [Афанасьева-Медведева, 5, 300–301]¹⁶.

Следующая ступень деривации на базе данного компонента представлена прилагательными, образованными от подвергшегося апеллятивизации unprecedentedного (референциально пустого) личного имени: брян. (*язычок* у кого) *как у иванькиной матки* 'об очень болтливом человеке' [БРСР, 229, 378]; *брести (плестись) как ивашкин лапоть* 'о медленно движущемся человеке' [Там же, 229, 335, 336]; и др.

4.1.3–4.1.4. В ядро значения имени, в том числе личного, как говорилось выше, входят также частные компоненты — характеризующий (мотивационное значение имени) и индивидуализирующий (денотативная отнесенность). М. Э. Рут указывает на немаловажную роль мотивационного (этимологического) значения имени в создании образа его носителя, «если оно становится широко известным: в старой России знание антропонимического этимона было естественным явлением, поскольку происхождение имени комментировалось в свяцах» [Рут, 2008б, 106]. Однако вряд ли стоит ожидать ремотивацию личного имени в народной речи (скорее в речи образованных людей, особенно в литературном творчестве — см., в частности, примеры языковой игры с именем *Светлана* в монографии Е. В. Душечкиной [2007]).

¹⁶ Ср. также усеченный вариант первого из этих фразеологизмов: омск., краснояр. *ванька (рыжий) не чешишь* 'о безразличном отношении к чему-либо: всё равно, горя мало, ничего не поделаешь': «Срамота, говорю, какая, грязнухой ходишь — а ей васька рыжий не чешишь. Она уйдет, и васька не чешишь, ходит везде» [СРГС, 1/1, 117]; «Да не нарочно же я ее пихала, так, по случайности сшибла — ну и васька рыжий не чешишь» [ФСРГС, 22]. Указанное значение воспроизводится и во фразеологизме с произведенной заменой имен — *васька не царапайся и танька не чешишь*, и поэтому его, вероятно, следует считать исходным и для *маша не чешишь и ваня не царапайся*. Внутренняя же форма фразеологизмов допускает различное истолкование их значения — это может быть выражение как нейтральной оценки ('о безразличном отношении к чему-либо'), так и положительной ('о чем-либо сделанном очень хорошо').

В отличие от частного характеризующего частный индивидуализирующий компонент (под денотативной отнесенностью в данном случае должен пониматься референт, или носитель имени) активно участвует в так называемой прецедентной номинации, «обрастая» всевозможными коннотациями, которые, в свою очередь, формируют, наряду с фреймовым и эмотивным компонентами, периферию языковой семантики личного имени.

В диалектные словари нередко попадают сравнительные обороты с прозвищными антропонимами, при этом для некоторых из них нельзя исключать окказиональный (индивидуальный) характер; степень идиоматизации подобных выражений также может быть различной [см. о ней: Коган, 2014]. Ввиду неточности дефиниций и/или недостаточности контекста прозвищные антропонимы бывает трудно отличить от атрибутивных сочетаний с «невоплощенным» личным именем. Ср. приведенное выше *ваня (ванька) гульный* и *читин. ваня трёхлитовочный* ‘работящий, безотказный в работе человек’: «На путях работал, гайки развинчивал, костыли выдёргивал, шпалы менял. Как был в деревне ваня трёхлитовочный, так и здесь на самую тяжёлую работу попал. А мужик у нас один был, пришёл он в войну без руки, а работал как ваня трёхлитовочный, радый был, что остался живой» [ФЧ, 13].

В связи с этим встает вопрос о том, какие языковые данные позволяют распознать прецедентное личное имя. В качестве таковых можно рассматривать:

— контекст или комментарий собирателя: рус. чуваш. *лучше Вани Лисинова* ‘так называют людей с некрасивой внешностью’: «У нас одна тётка была. Страшный сын-то был. Подходит к зеркалу-то — я красивый. А у нас красавец был — Ваня Лисинов. Мать-то ему: лучше Вани Лисинова. Так теперь страшных-то и зват — луче Вани Лисинова» [СРГЧув, 107]; пск. *как Ваня Дудинский* ‘о человеке с лохматыми, длинными волосами и в рваной одежде’: «Ты как Ваня Дудинский, волосы долгие. Ваня — эта как ворожей, он в Дудине жил» [БСРС, 82]; пск. *вырядиться, что Ваня Дудинский* ‘об одетом в рваную одежду человеке’: «Гля, вырядился, что Ваня Дудинский, джинсы рваные» (прим. сост.: Ваня Дудинский — известный прежде в районе знахарь) [Там же];

— употребленные вместе с личным именем фамилию или прозвище: печор. *Бог не Ванька Ефремихин (Ефремов)* («Бог-то не Ванька Ефремихин, видит же, как кто живёт»; «Его и парализовало. Вот, бог не Ванька Ефремов, всё видит») [ФСГНП, I, 48]; перм. *кучеряв как Ваня Хóхла* ‘о кудрявом человеке’ («Сколь ведь кучеряв, как ваня хохла») [БСРС, 82]; волог. *как с Вани Рожка́ (содрать)* ‘отнять все, ободрать как липку’ («Опять сто рублей за дрова заплатила, с меня как с Вани Рожка всё содирают, содирают») [КСГРС]¹⁷.

¹⁷ Другие примеры см. в статье И. В. Родионовой [2005, 183–184]. Автор отмечает: «Номинации этого типа стоят несколько особняком в исследуемом поле, поскольку здесь отступления от первичной функции антропонима минимальны: сохраняя сигнификативную сему единичности, имя на основе механизма сравнения — ср. частотность вхождения компонента *как* в состав номинативного оборота — отсылает к образу конкретной личности носителя данного имени» [Там же, 184].

Отдельного внимания заслуживает «поведение» личных имен в поговорках. О. Е. Фроловой подробно описан референтный статус антропонимов, функционирующих в поговорках [см.: Фролова, 2007, 239–249]. Автор выделяет два типа употреблений:

— «референциально пустые, выступающие в качестве ситуативных местоимений непрецедентные антропонимы, представленные личными именами собственными», которые входят в личную сферу говорящего, — например, в поговорках *По Ивашке и рубашка; По Сеньке и шапка (по Ереме колпак); У всякого Федорки свои отговорки*;

— «прецедентные имена, способные к предикатному нереперентному употреблению», которые представлены библейскими именами и именами святых, именами языческих божеств и реальных исторических деятелей, — например, *По бороде — Авраам, а по делам — Хам; Проси Николу, а он Спасу скажет; Бог не (Мокошь) Никитка, повыломает лытки; По милости боярской — сам себе Пожарский*).

4.1.5. Анализ деривационной семантики личного имени позволяет выявить, на наш взгляд, еще один «ядерный» компонент его семантики, не учтенный в общей (применимой к различным разрядам онимов) модели, а именно у к а з а н и е н а г е н д е р. См., в частности, приводившийся выше пример — вят. *иван* ‘именование ребенка мужского пола до крещения’ («Матрёна родила Ивана») [ОСВГ, 4, 211], а также варьирование мужского и женского имени в следующих фразеологизмах: новг., печор., рус. морд. *полтора Ивана* ‘о человеке очень высокого роста’ (см., например: «Сидор-то был полтора Ивана, большой мужик») [МИСНФ, 140; СРГМорд, 2, 895; ФСГНП, II, 200], восходящее к названию колокольни Ивана Великого в Московском Кремле (см. об этом также далее, в разделе 4.2.3), и новг. *полторы Матрёны* с тем же значением («Очень высокая Нюшка <...>, полторы Матрёны») [МИСНФ, 140], возникшее вследствие ремотивации первого фразеологизма по связи с личным именем, которое легло в основу названия колокольни¹⁸.

¹⁸ Вместе с тем следует заметить, что гендерный аспект, как правило, не учитывается в словарных дефинициях, иллюстративный же материал не всегда позволяет судить об истинном объеме значения языковой единицы, ср. ср.-урал. *алёша* ‘рассеянный, нерасторопный, бестолковый человек’: «Ну ты алёша!» [СРГСУ-Д, 9]; яросл. *груня* ‘о нерасторопном, глуповатом человеке’: «Ну ты и груня!» [ЯОС, 3, 111]; рус. башк. *акулюшка* ‘бестолковый, непонятливый, глупый человек’: «Ех ты акулюшка: кто же так говорит?» [СРГБаш, 1, 20] и перм. *как окулька беспрокая* ‘то же’: «Ето чё же, ты совсем как окулька беспрокая стал — два да пять скласть не можешь» [ФСПГ]; волог. *офона* ‘бестолковый человек’: «Офона ты, экий мужик бестолковый! А если баба, так устенка да настенка» [КСГРС]. Об указании на гендер как составляющей семантики личного имени см. подробнее: [Феоктистова, 2012, 233–235].

4.2. Экспликация периферийных компонентов значения имени

4.2.1. Специфика функционирования личного имени в обществе (соответственно, фреймовый компонент значения) раскрывается в нескольких параметрах, которые также находят отражение в апеллятивной деривации и фразеологии на основе личного имени: (а) вхождение в тот или иной национальный антропонимикон, которое вкупе с (б) частотностью имени порождает соответствующие, «национально окрашенные» коннотации имени¹⁹; кроме того, следует учитывать (в) различия в употреблении полной и уменьшительной формы имени.

О частотности у русских имени *Иван* свидетельствует поговорка: помор. *Иванов что грибов поганых* ‘о множестве людей по имени *Иван*’ [БСРС, 152]²⁰. Частотное мужское имя становится не только «эталонном» мужского имени (об этом см. также ниже), но и типовой основой для образования квазиотчества — при антропоморфизации болезни (очевидно, в фольклорных текстах) (см. олон. *Оспа Ивановна* ‘о болезни оспе’: «При появлении оспы просят Оспу Ивановну пожаловать в дом и в честь ее пряжат пироги» [СРНГ, 24, 49]), а также в иронически обыгрывающих двучленную форму именованного (имя — отчество) характеристиках человека (вят. *Балахрысья Ивановна* ‘бездельница, озорница’ [ОСВГ, 1–2, 46; СРНГ, 2, 77]; орл. *расстегай ваныч* ‘о человеке, одетом небрежно, нараспашку’, *растрепай ваныч* ‘о человеке с непричесанными, лохматыми волосами’ [СОГ, 12, 113]; и т. п.)²¹. В следующих пословицах иронически обыгрывается приоритетность рассматриваемого имени: курган. *Горе, горе: муж Григорий, хоть бы хуже, да Иван* (ср. у В. И. Даля: *Горе, горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван*) [ФДЛ, 81] (имя оказывается предпочтительнее других, даже несмотря на отрицательные характеристики своего носителя). Ср.: *Нет имен супротив Иван, нет икон супротив Никол* [ПРН, 3, 117].

Если говорить об этнической маркированности имени (к примеру, его закреплённости за русскими — ср. устойчивое сочетание *русский Иван*, хотя

¹⁹ Об этнической маркированности наиболее типичных для конкретного этноса личных имен см. также: [Ромашенко, Гаврилова, 2009, 203–205].

²⁰ См. также помор. *Аннов да Иванов как грибов поганых* (пословица) ‘о множестве людей по имени Анна и Иван’ [БСРС, 152], хотя не исключено, что первоначально речь шла о наиболее частотных хрононимах, а не личных именах, см.: «Их Ивановых дней много в году. “Анн да Иванов как грибов поганых”, — говорят; Ивановы дни бывают шесть в году. Бывает зимой, Ивана-Крестителя называется. Летом Иванов день, Купальница называют, тогда отмечали, больше остальные не признают» (прикам.) [Черных, 3, 96].

²¹ Сюда же, возможно, следует отнести и фразеологизмы с притяжательным прилагательным от рассматриваемого личного имени: брян. *(язычок у кого) как у иванькиной матки* ‘об очень болтливым человеке’ [БСРС, 229, 378]; *брести (плестись) как ивашкин лапоть* ‘о медленно движущемся человеке’ [Там же, 229, 335, 336]; и др.

встречается оно и в антропонимиконе других славян²²), то ее доказательством могут служить обозначения любого русского человека данным именем, причем как в русском (*Иван* ‘вообще русский человек; с собирательным значением — русский народ’ [Отин, 201])²³, так и в других языках (см., к примеру, польск. *iwana*, *wania* ‘то же’ [Rutkowski, 60]).

Весьма показательны и лексемы, для которых можно предполагать мотивацию по национальной принадлежности носителя имени. Здесь стоит прежде всего упомянуть *иван-чай*, первоначально *Ивань чай*, т. е. буквально «русский чай» [Фасмер, 2, 114; Шанский, 2/7, 5], ср. *Иванов чай* [СВГ, 3, 3 (здесь отсылка на статью «чай», в которой, однако, данное выражение не приводится)]. К подобным языковым единицам, возможно, также относится *иван* ‘северный ветер в Прикаспийской низменности’ [Прох], которое, на первый взгляд, не более чем отражение антропоморфного восприятия реалии, однако сравнение с *магомет* ‘южный ветер в Прикаспийской низменности’ [Там же] позволяет выявить этнический компонент семантики имени («ветер, дующий с территории, где живут русские»). Обращает на себя внимание и перм. как *Ванька-татарин* ирон. ‘о беспечном, беззаботном человеке’ [БСРС, 82], в котором сочетание с не-русским этнонимом подчеркивает русскость личного имени²⁴.

Отдельного внимания заслуживает участие различных форм имени в процессах деонимизации [см. об этом также: Родионова, 2005, 181–182; Рут, 2008б, 106; Феоктистова, 2009, 269; 2012, 238].

С одной стороны, имя во вторичном употреблении так же, как и при выполнении им своей основной функции (номинация единичного объекта), подвергается варьированию, которое нивелирует различия в семантике и прагматике основной

²² Данное сочетание отражает как внешнюю точку зрения, так и внутреннюю, но первую в большей степени; ср. *Иван* ‘все восточные славяне, «русскоязычное» население в неславянских странах — бывших республиках СССР’, ‘обобщенное именование не только русского, но и любого человека из России или СССР, а также самой России у некоторых народов других стран’ [Отин, 202, 205]. В связи с этим примечательна также реплика обманутого мужа — таджика по национальности — «Я не русский Иван» в ответ на просьбу жены (русской) к ней вернуться (из личных наблюдений автора).

²³ См. также *Иван Иванович* ‘условное обозначение всякого мужчины (как правило, русской национальности)’, *Иван Иванович Иванов* ‘условное типизированное именование всякого русского; кто-то из русских, всякий русский’ [Там же, 217], которые, воспроизводя характерные для русских формулы именования человека (имя — отчество, имя — отчество — фамилия), посредством сочетания с типично русским именем «однокоренных» ему отчества и фамилии умножают этнические коннотации каждого из антропонимов в составе данных формул и самих антропонимических формул.

²⁴ См. также в словаре Е. С. Отина: *Иван Иванович* ‘условное именование иностранца, долгое время прожившего в России’, ‘при необычном, «неестественном» сочетании с иностранными фамилиями <...> указывает на значимость носителей этих фамилий для русского человека, его культуры’ [Там же, 215–216]. Другие примеры «антропонимных оксюморонов» (выражение Е. С. Отина) см. также: [Фролова, 2007, 244–245; Феоктистова, 2012, 236].

его формы и диминутивов²⁵. Ср., например, рус. баш. *иван-дурак* ‘о глуповатом, всегда улыбающемся человеке’ («Чё как иван-дурак улыбаешься?») [СРГБаш, 1, 159], фольк. или прост. *как иванушка-дурачок* ‘о глуповатом и беззаботном с виду, простодушном, наивно честном человеке’ [БСРС, 229], пск. *ходить как ваня-дурáня* ‘о глуповатом, вызывающем презрение и смех человеке’ [СППП, 89] и *вáнюшка-дурáнюшка* ‘дурак, глупец’ («А вот ванюшка-дуранюшка во всех сказках есть») [ПОС, 10, 47]²⁶.

С другой стороны, апеллятивизация может подчеркивать функционально-стилистические различия между полной и уменьшительными формами имени, выводя их из области «чистой» прагматики в предметно-понятийную область значения. См., в частности, калуж., курск., пск., смол. *Млад, да Иван, стар, да Иванька* (поговорка) [СРНГ, 12, 57]; курган. *Деньги есть — Иван Петрович, денег нет — дак Ванька-шкет* ‘о почитании богатства, денег’ [ФДЛ, 86]²⁷; омск. *ванька с манькой да колупáй с братом* ‘о неуважаемых, никчемных людях’ [СРГС, 1/1, 117; ФСРГС, 22]. И. В. Родионова на основе анализа производных от личных имен субстантивных обозначений особенностей характера или поведения человека приходит к выводу о том, что «способность антропонима к продуцированию разнообразных дериватов-экспрессивов оказывается весьма востребованной в ситуации создания оценочных номинаций» [Родионова, 2005, 182].

²⁵ И. В. Родионова, вслед за другими исследователями, отмечает, что в традиционной крестьянской культуре уменьшительная форма имени (*Ванька, Манька*) считалась вполне уместной и «нейтральной» только при обращении к ребенку, переход человека в следующую возрастную категорию (подросток, юноша / девушка) предполагал иную форму обращения — полное имя (*Иван, Марья*) [Родионова, 2005, 181].

²⁶ Это варьирование производящей основы наблюдается и в других тематических группах апеллятивной лексики, см.: дон. *ивашка* ‘насекомое божья коровка (*Coccinella septempunctata*)’ («Ивашки такие хорошенькие, они летают, красненькие, с черными пятнушками») [СРДГ, 2, 35] и *ванька* (р. Урал) ‘то же’ («*Ванька, ванька, улети!* (так поют дети, глядя на жучка, сидящего на руке)») [Малеча, 1, 194]; арх., волог. *иван* ‘название некоторых трубчатых грибов (моховика, подберезовика, белого гриба и др.)’ [СГРС, 4, 294] и с тем же значением волог. *иванушка* [Там же, 297], *ванька* [СВГ, 1, 56]; литер. *иван-чай* и волог. *чай-иванушко, ванька-чай* [СРГК, 1, 161; 6, 752], ср.-урал. *ваня-чай* [СРГСУ-Д, 56]; волог. *иванушка (иванушко), ванька, ванюшка* ‘последний сноп овса в дожинальном обряде’ [СГРС, 2, 21, 22; 4, 297].

²⁷ См. также омск. *из себя Ивана представлять (корчить)* ‘заваняться’ в контексте: «Выбражат, из себя Ивана корчит. Сам Ванька, а Ивана представляет» [ФСРГС, 150]; печор. *Дома-то Дёма, а в гостях Дементий*: «Ванька, подай хлеба. — Не Ванька, а Иван Савельевич. Дома-то Дёма, а в гостях Дементий» [ФСГНП, I, 221]. В составе двучленной антропонимической формулы, помимо этого, можно отметить актуализацию прагматической составляющей полной формы имени (уважительное отношение к его носителю). См. также дон. *каждый чёрт да (всё, тебе) Иван Иванович* ‘выражение неудовольствия по поводу чьих-либо действий’ («Иди кушать! — Не хочу! — Э... каждый чёрт да Иван Иванович») [СРДГ, 3, 192]; сургут. *Деньги есть — Иван Петрович, денег нет — паршива сволочь* [Белобородов, 2007, 75]; орл. *никаких Ван-Ванычей (не признавать)* ‘не считаться ни с чьими авторитетами’ [СОГ, 7, 137].

4.2.2. Э м о т и в н ы й компонент семантики личного имени также может послужить опорой для вторичной номинации, см. — при условии корректности словарной дефиниции — рус. якут. *вaнькaть* ‘нежить, холить, исполнять все желания и прихоти, баловать’: «Ванькaть уж не станeшь eго, большoй тeпeрь» [СРНГ, 4, 38; СРСГЯ, 1, 96] (т. е. буквально «обращаться к кому-либо, обращаться с кем-либо, как с ребенком, используя уменьшительную форму имени»).

4.2.3. Анализ ассоциативно-derivационной семантики личного имени *Иван* позволяет выделить целый комплекс разнообразных коннотаций (мотивов) и составить языковой (ономасиологический) портрет носителя данного имени. Укажем основные из этих мотивов, выявленные на материале тематической группы «человек» — одной из самых обширных в рамках исследуемого derivационно-фразеологического гнезда [подробнее об этом см.: Спиридонов, Феоктистова, 2015].

Основными чертами образа Ивана являются глупость — примеры см. выше — и «деревенскость» — например, печор. *вaнькa сeльскoй* ‘хвастун’ [ФСГНП, I, 120]. Указание на место жительства типичного Ивана часто присутствует на уровне коннотации в предметной лексике, обозначающей реалии сельской жизни (печь, лапоть и под.), см.: печор. *кaк зaпeчнoй Ивaшкa* ‘о нелюдимом, избегающем общества человеке’ [Там же, 308], брян. *брeстнo (плeстнo) кaк ивaшкнн лaпoть* ‘о медленно движущемся человеке’ [БСРС, 229, 335, 336], пск. *вaнькa с трудoднaмн* ‘трудолюбивый колхозник с хорошим заработком’ («Чем ён не парeнь — вaнькa с трудoднaмн») [СППП, 19].

Далее в порядке убывания следуют такие черты:

— в ы с о к о м е р и е: например, том. *из сeбя ивaнa кoрчнть* ‘завзнаваться, важничать, вести себя высокомерно, хвастаться’; иркут. *ивaннть*, прибаек. *ивaннться* ‘то же’ [СРГПРиб, 1, 148; СРГС, 1/2, 257; СРГЯ, Г–И, 97; СРНГ, 12, 53, 55 и др.]²⁸;

— м о л ч а л и в о с т ь: новг. *вaнькy вaлaть (свaлaть)* ‘скрывать что-либо, умалчивать’ [НОС, 1, 107]; рус. карел. (*мoлчaть, нe рaзгoвaривaть*) *кaк Ивaн Зaпeчeннн* ‘о постоянно молчащем человеке, упорном молчуне’ [БСРС, 228];

— о б м а н, х в а с т о в с т в о: смол. *зaивaннвaть* ‘сочинять, врать’ [ССГ, 4, 68]; печор. *вaнькa сeльскoй* ‘хвастун’ [ФСГНП, I, 120];

²⁸ Данные фразеологизмы и однословные номинации восходят в конечном счете к названию колокольни — ср. омск. *нeстн сeбя вьшe Вeлнкoгo Ивaнa* ‘о чем-либо надменном, высокомерном поведении’ [БСРС, 228; со ссылкой на: СРНГ, 37, 97 (здесь *нeстн вьшoкo сeбя, вьшe вeлнкoгo ивaнa*)], а в рассматриваемое derivационно-фразеологическое гнездо включены из предположения о возможной аттракции к личному имени (ремотивации). И. В. Родионова считает, что дополнительное влияние на их появление могла оказать противопоставленность полной и уменьшительной формы имени (ср. курск., калуж., смол. *ивaнькa* ‘о том, к кому неуважительно обращаются, о ком неуважительно отзываются’ [СРНГ, 12, 57]), а также восприятие личного имени *Иван* носителями языка как наиболее «типичного» имени [см.: Родионова, 2004а, 71–72].

— не о п р я т н о с т ь: костр. *как вая* ‘о небрежно одетом человеке’ [БСРС, 82]; арх. *как ваянка из-под лодки* ‘о плохо (неопрятно, неаккуратно) одетом человеке’ [КСГРС]; пск. *ходить как вая-дураня* ‘о плохо (неопрятно, бедно) одетом человеке’ [СППП, 89];

— л е н ь / п р а з д н о с т ь: *лежать как Иванушка на печи* ‘о ленивом, праздно лежащем в тепле и сытости человеке’ [БСРС, 229]; перм. *Ваянка Ветров* ‘праздношатающийся человек, бездельник’ («Собрались в бригаде как Ваянка Ветров, сядня на работе, завтра нет») [ФСПГ; СПГ, 1, 77]; и под.

В целом можно сказать, что ассоциативно-деривационная семантика имени складывается на основе широко известных образов (Иван-дурак, Ваянка Ветров, колокольня Московского Кремля «Иван Великий» и др.), при этом ведущая роль в формировании коннотативного фона личного имени, безусловно, принадлежит Ивану-дураку. Это выражается не только в суммарном количестве однозначно прецедентных номинаций, но и в их тематическом разнообразии: они характеризуют интеллектуальные способности, речевое поведение, отношение к труду и др.

Вместе с тем этот языковой образ Ивана отнюдь не специфичен (как можно было бы предположить), а наоборот, типичен для отантропонимической номинации: проанализировав комплекс апеллятивных характеристик человека, образованных от разных личных имен, И. В. Родионова приходит к выводу о том, что его формирование подчинено «принципу семантико-идеографической заданности». «Суть этого принципа в том, что наибольшую вероятность быть обозначенным посредством отантропонимической лексемы имеет носитель негативных качеств характера — причем в первую очередь таких, как глупость, неспособность к труду, медлительность, неряшливость (как показывает материал, эти характеристики могут тесно коррелировать в сознании номинатора); также высоки шансы получить обозначение данного типа у хвастуна, обманщика и человека, не пользующегося уважением в обществе» [Родионова, 2005, 180]²⁹.

Анализ деонимов, относящихся к другим тематическим группам, позволяет расширить круг легших в основу номинации прецедентов³⁰ — в частности, за счет образа Иоанна Крестителя, при этом, как и в случае с характеристиками человека,

²⁹ Более того, образ русского Ивана обнаруживает сходство с образами носителей родственных имен в польском и французском языках (*Jan* и *Jean* соответственно), на основе чего можно сделать вывод об этноязыковой универсальности тех мотивов, которые в принципе могут лечь в основу отантропонимической номинации [подробнее см.: Спиридонов, Феоктистова, 2015].

³⁰ В связи с этим отдельного внимания заслуживает пара Иван-да-Марья, связанная в первую очередь с образами купальской обрядности: так, в восточнославянских купальских обрядах выступает имеющий двойную окраску цветок *иван-да-марья*, в который, по легенде, были превращены брат и сестра, совершившие инцест [см.: Березович, 2007, 281; здесь же литература].

порождаемые этим прецедентом номинации также вписываются в существующие модели отантропонимической номинации.

Образ святого детализируется в наименованиях различных видов растений [подробнее см.: Родионова, 2000, 171–173], например: перм. *иван-голова* ‘травянистое растение кипрей узколистный (*Chamaenerion angustifolium* (L.) Scop.)’, иван-чай, копорский чай’ [СПГ, 1, 172]; без указ. места *иванова кровь* ‘растение *Hypericum perforatum* L., зверобой продырявленный’ [Кузнецова, Резникова, 1992, 85–86]; дон. *ваня кучерявый, ванины кудри* ‘мыльнянка лекарственная’ [СРДГ, 1, 54; 2, 97]; и мн. др. Ср. данные других языков: польск. диал. *jaś* ‘горшечный плющ, вероятно традесканция (*Tradescantia*)’; *główka świętego jana* ‘нивяник обыкновенный (луговая ромашка)’; *serduszka jasia* ‘дицентра великолепная, «разбитое сердце»’; *pasek świętego jana* ‘плаун булавовидный’; и мн. др. [Kucharczyk, 2010, 99, 104, 105]; фр. диал. *Saint-Jean, herbes de Saint Jean* <травы св. Жана> ‘травы, которые собирали накануне праздника св. Жана, исп. в качестве оберегов’ [Bigarne, 1891, 138]; *jean dépeigne* <лохматый Жан> ‘утесник’, ‘барбарис’ [Verrier, Onillon, 1908, I, 499]³¹. Об антропонимах в номинации растений в славянских языках см.: [Колосова, 2009, 86–96]; анализ русских фитонимов, отсылающих к именам библейских персонажей, представлен в статье И. В. Родионовой [2001].

С днем Рождества Иоанна Крестителя, в частности, с солярной символикой приуроченных к этому дню обрядов (свадьба Солнца-«Ивана») так или иначе связаны обозначения божьей коровки: курск. *ванька* ‘насекомое божья коровка (*Coccinella septempunctata*)’ [СРНГ, 12, 57], донск. *ивашка* ‘то же’ [СРДГ, 2, 35] [подробнее см.: Кривошапова, 2007, 153–154, 209–211; здесь же литература]. Ср. наименования светлячка, в состав которых входит отхрононимический атрибутив: пск. *ивановский огонёк, ивановский (иванский) червяк* [ПОС, 13, 152] и под., а также польск. диал. (*święty*) *janik, janiczek, chrobak świętego jana* <червь св. Яна> ‘светлячок’ [Kucharczyk, 2010, 88, 89, 90]; оксит. *poulo-de-sant-Jan* <птенец св. Жана> ‘божья коровка’ [TF, II, 152–153]. О номинации насекомых посредством «наделения» их личными именами в русском языке (на фоне славянских) см.: [Кривошапова, 2007, 92–97].

Орнитонимы — дон. *иванушка, иванок* ‘птица синица (*Parus major*)’ [СРДГ, 2, 35], пенз. *иванец* ‘то же’ [СРНГ, 12, 55] — также могут быть мотивированы именем святого; возможно, на их появление повлияла иконографическая традиция изображения «ангела пустыни» с крыльями. Обращает на себя внимание и белое оперение птиц — см. без указ. места *иванок* ‘птица зимородок (*Alcedo atthis*)’ [СРНГ, 12, 56], печор. *иванчик* ‘то же’ («Иванчик беленький...») [СРГНП, 1, 286] — и связь с водной стихией — см. выше *ванька-рыболов*, а также калуж. *иванчик* ‘птица рыболов (баклан (*Phalacrocorax*)?)’ [СРНГ, 12, 57]. Ср.: польск. диал. *jaś* ‘белый аист (*Ciconia ciconia*)’ [Kucharczyk, 2010, 82]; фр. диал. *jean le blanc*

³¹ За предоставленный здесь и далее французский материал благодарим Д. В. Спиридонова.

<жан белый> ‘орел с белой грудкой, который разоряет крестьянские дворы, вооружает кур, за это также прозван Maître-Jean (Хозяин Жан)’ [Verrier, Onillon, 1908, I, 499]; и др. В монографии А. В. Гуры приведены многочисленные примеры обозначения личными именами разных птиц в славянской народной традиции; мотивация таких орнитонимов может быть различной (особенно часто в народных представлениях птицы выступают как образы душ умерших, кроме того, они очень тесно соприкасаются с календарным циклом) [см.: Гура, 1997, 528 и далее].

5. Вместо заключения

Если попытаться, подводя некий промежуточный итог произведенному «компонентному анализу» ассоциативно-деривационной семантики личного имени *Иван*, оценить степень участия в деривационных процессах тех или иных составляющих собственно ономастического значения, станет очевидно, что участие это неодинаково, см.:

а) «я д е р н ы е» к о м п о н е н т ы:

— общий категориальный («проприальность») — имплицитно присутствует в тех апеллятивных дериватах имени, которые обладают для носителя языка мотивированностью, и при этом он осознает разницу между собственными и нарицательными именами (т. е. можно говорить о сформированности в той или иной степени ментальной категории проприальности);

— частный категориальный (для антропонима — «человек») — может присутствовать как на уровне мотивации (прежде всего факты антропоморфизации через обозначение личным именем человека других живых существ, а также предметов, явлений и пр.), так и на уровне лексического значения апеллятивного деривата (преимущественно во фразеологизмах и паремиях). У наиболее частотных имен вероятность употребления в обобщенном значении человека больше;

— частный характеризующий (мотивационное значение имени) — судя по имеющемуся материалу, в русской народной традиции не задействуется вовсе;

— частный индивидуализирующий (денотативная отнесенность) — широко представлен в прецедентной номинации, являясь ее мотивационной основой вместе с коннотативным компонентом (см. ниже);

— частный дифференцирующий — указание на гендер: единичные случаи;

б) п е р и ф е р и й н ы е к о м п о н е н т ы:

— фреймовый — включает в себя несколько параметров: 1) частотность имени, 2) его вхождение в национальный антропонимикон, 3) различия в употреблении полной и диминутивных форм. В ассоциативно-деривационной семантике частотного имени *Иван* проявлены все три параметра, но в разной степени — частотность задействуется больше, чем связанная с ней напрямую этническая маркированность имени и различия в употреблении разных его форм.

Частотностью данного имени, по-видимому, обусловлено и активное его участие в отантропонимической номинации;

— эмотивный (эмоционально-стилистическая окраска имени) — всего один пример;

— коннотативный — это целый комплекс разнообразных, не всегда коррелирующих друг с другом коннотаций (ср., например, мотивы «деревенскости» и высокомерия в языковом образе Ивана). Данный компонент сопряжен с другими, рассмотренными выше — частным индивидуализирующим и фреймовым (частотность и этническая маркированность), но формируется с использованием не только «внутренних ресурсов» самого имени, но «внешних» по отношению к нему системно-языковых ресурсов (влияние существующих моделей номинации).

Следует при этом иметь в виду, что участие тех или иных компонентов значения антропонима неодинаково не только в ассоциативно-derivационной семантике конкретного имени, но и разных имен. В этом смысле «случай» с *Иваном*, пожалуй, уникален: трудно представить себе какое-либо другое (мужское во всяком случае) имя, в развитии ассоциативно-derivационной семантики которого были бы использованы все компоненты «исходного» значения (пусть и в разной степени).

С другой стороны — в плане методики анализа — как раз важно учитывать возможность актуализации в отантропонимической номинации любого из этих компонентов, равно как и возможность мотивации деонима сразу несколькими из них.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб. : Наука, 2007–2008. Т. 1–4; Иркутск : [б. и.], 2010–. Т. 5–.

Белобородов В. К. Слово за слово: особенности речи сургутян в 1940–1950-е гг. : словарь-воспоминание. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2007.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2011. С. 110–157.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Derivационно-фразеологическое гнездо *Москва* в русском и иностранных языках // *Slavia*. 2015а. R. 84. S. 1. S. 82–94.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков: Человек. Культура. Политика и экономика // *Quaestio Rossica*. 2015б. № 1. С. 129–153.

Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2015.

- БСРС — Мокшенин В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Голикова Д. М. Отантропонимическая деривация во французском языке: семантическое поле «глупость» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. молодых ученых, посвящ. 80-летию юбилею каф. ин. яз. (7 февраля 2014 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запевалова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 12–18.
- Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998.
- Грачев М. А. Русская воровская кличка: мифы и реальность. М. : ЭЛПИС, 2009.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.
- Движатиц Ф. Н. Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 143–144.
- Душечкина Е. В. Светлана. Культурная история имени. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007.
- Иванова О. В. «Иван да Марья» в контексте русской культуры и в произведениях поэтов Смоленской поэтической школы // А. Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа : к 100-летию со дня рождения поэта : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Смоленск, 5–7 октября 2010 г.). Смоленск : Смядынь, 2010. С. 168–176.
- КАОС — картотека Архангельского областного словаря (хранится на кафедре русского языка Московского государственного университета).
- Качинская И. Б. Имя собственное как нарицательная характеристика личности (по материалам архангельских говоров) // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 83–85.
- Коган Е. С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вopr. ономастики. 2014. № 1 (16). С. 122–127.
- Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009.
- Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2007.
- Кривошапова Ю. А. Образ Волги в русской языковой традиции // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 155–157.
- КСГРС — картотека Словаря говоров русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Кузнецова М. А., Резникова А. С. Сказания о лекарственных растениях. М. : Высш. шк., 1992.
- Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008.
- Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.
- МИСНФ — Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004.
- НОС — Новгородский областной словарь : в 13 вып. / ред. В. П. Строгова. Новгород : Изд-во Новг. пединститута, 1992–1995 ; Великий Новгород : Новг. гос. ун-т, 2000.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1852.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1996–. Вып. 1–.
- Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. 3-е изд., перераб. и доп. Донецк : Юго-Восток, 2010.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- ПРН — *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 3 т. М. : Рус. кн., 1993.
- Прох Л. З.* Словарь ветров. Л. : Гидрометеиздат, 1983.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Родионова И. В.* К вопросу о специфике отражения прецедентного текста на уровне языковых отономастических номинаций // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 4. С. 64–68.
- Родионова И. В.* Глаголы с антропонимической корневой морфемой в русских народных говорах (I) // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 5 / под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004а. С. 63–77.
- Родионова И. В.* Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) // Вопр. ономастики. 2004б. № 1. С. 121–144.
- Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Рус. язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 159–189.
- Родионова И. В.* К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) // Этимология. 2003–2005. М. : Наука, 2007. С. 197–209.
- Ромашенко Л., Гаврилова Т.* Паремнографическая ономастика в контексте различных этнокультур // Pařemie národů slovanských IV : sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20.–21. listopadu 2008 / ed. V. Vilímek. Ostrava : Ostravská univerzita, 2009. S. 201–206.
- Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 4. С. 59–64.
- Рут М. Э.* Имя *Василий* в русском языковом пространстве // У чистого источника родного языка : сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008а. С. 209–214.
- Рут М. Э.* Факторы формирования коннотативных смыслов имени: *Екатерина* и производные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008б. Вып. 6. С. 102–119.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т ; Русь, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Сироткина Т. А.* Региональный этнонимикон как полевая структура // У чистого источника родного языка : сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С. 214–219.
- Смольников С. Н.* Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.
- СОГ — Словарь орловских говоров : учеб. пособие по русской диалектологии. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1989–1991. Вып. 1–4. Орел : ОГПИ, 1992–. Вып. 5–.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
- Спиридонов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени *Жак* во французских диалектах // Вопр. ономастики. 2011. № 1 (10). С. 36–50.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2012 г. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 268–270.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) // Acta onomastica LVI. 2015. В печати.

- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.
- СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии : в 5 т. / под ред. проф. З. П. Здобновой. Уфа : Гилем, 1997–2005.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- СРГМорд — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 ч. / сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова и др. СПб. : Наука, 2013.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2003–2005.
- СРГПриб — Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 вып. / под ред. Ю. И. Кашевской. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986–1989.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996.
- СРГЧув — *Колесникова С. В., Корнилов Г. Е., Лотря Л. В.* Словарь русских говоров Чувашской Республики. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2003.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья : в 3 вып. / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова и др. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2010–2012.
- СРДГ — Словарь русских донских говоров : в 3 т. / авт.-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная и др. Ростов н/Д, 1975–1976.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРСГЯ — *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск : Изд-во Якут. гос. ун-та, 1997–2007. Вып. 1–4.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005.
- Степанова Ф. В.* Концепт бинорма Иван и Мария в русской картине мира // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Междунар. науч. конф. Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. С. 82–85.
- Супрун В. И.* Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2012 г. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 146–147.
- Тихомирова А. В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2013.
- Толстая С. М.* К понятиям апеллативизации и онимизации // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 24–27.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- ФДЛ — *Тимофеев В. П.* Фразеология диалектной личности : словарь. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2003.
- Феоктистова Л. А.* Языковой образ и варьирование личного имени // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 268–270.
- Феоктистова Л. А.* Апеллятивные дериваты личного имени и его семантика (на материале русского и польского языков) // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 229–241.

- Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного текста. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
- ФСГНП — Ставишина Н. А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.
- ФСПГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983.
- ФЧ — Пащенко В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области : в 5 ч. Чита : Забайк. гос. пед. ун-т, 1999–2009.
- Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. : в 3 ч. Ч. 3. Пермь : Пушка, 2009.
- Шанский — Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. М. : Изд-во МГУ, 1963–. Т. 1–.
- Шур В. В. Уласнае імя ў мастацкім тэксте. Мазыр : Мазырскі дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна, 2010.
- Юрина Н. Ю. Концептуальность имени собственного // Ономастика и общество: язык и культура : материалы I Всерос. науч. конф. (14–15 октября 2010 г.) / отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 190–192.
- ЯОС — Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко : в 10 вып. Ярославль : Изд-во Яросл. гос. пед. ин-та, 1981–1991.
- Bigarne Ch.* Patois et locutions du pays de Beaune. Beaune : A. Batault, 1891.
- Kucharzyk R.* Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich. Kraków : Lexis, 2010.
- Rutkowski M.* Nazwy własne w strukturze metafory i metonomii. Proces deonimizacji. Olsztyn : Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007.
- TF — *Mistral F.* Lou Trésor dou Félibrige ou Dictionnaire provençal-français. Vol. I–II. Raphèle-lès-Arles : M. Petit, 1979.
- Verrier A.-J., Onillon R.* Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l'Anjou. T. I–II. Angers : Germain & G. Grassin, 1908.

Рукопись поступила в редакцию 09.02.2016

СОКРАЩЕНИЯ

арх.	архангельские говоры русского языка
байк.	русские говоры на территории Байкальской Сибири
брян.	брянские говоры русского языка
волог.	вологодские говоры русского языка
вят.	вятские говоры русского языка
дон.	донские говоры русского языка
др.-евр.	древнееврейский язык
забайк.	забайкальские говоры русского языка
иркут.	иркутские говоры русского языка
калуж.	калужские говоры русского языка
костр.	костромские говоры русского языка
краснояр.	красноярские говоры русского языка
курган.	курганские говоры русского языка
курск.	курские говоры русского языка
новг.	новгородские говоры русского языка

оксит.	окситанский язык
олон.	олонецкие говоры русского языка
омск.	омские говоры русского языка
орл.	орловские говоры русского языка
пенз.	пензенские говоры русского языка
перм.	пермские говоры русского языка
печор.	русские говоры бассейна Нижней Печоры
польск.	польский язык
помор.	поморские говоры русского языка
прибайк.	прибайкальские говоры русского языка
пск.	псковские говоры русского языка
рус.	русский язык
рус. башк.	русские говоры на территории Республики Башкирия
рус. карел.	русские говоры на территории Республики Карелия
рус. морд.	русские говоры на территории Республики Мордовия
рус. чуваш.	русские говоры на территории Республики Чувашия
рус. якут.	русские говоры на территории Республики Саха (Якутия)
ряз.	рязанские говоры русского языка
смол.	смоленские говоры русского языка
ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
сургут.	сургутский региолект русского языка
том.	томские говоры русского языка
фольк.	фольклорное
фр.	французский язык
читин.	читинские говоры русского языка

* * *

Феоктистова Любовь Александровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и общего
языкознания

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306

E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna

PhD, Associate Professor, Department
of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University

51, Lenin Ave., office 306
620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Lyubov A. FeoktistovaUral Federal University
Ekaterinburg, Russia**TOWARDS A METHODOLOGY FOR THE ANALYSIS
OF ASSOCIATIVE-DERIVATIONAL MEANING OF A PERSONAL NAME**

Based on appellative lexical units derived from the Russian personal name *Ivan*, as well as on idioms with this name, the author advances an analytical approach for the investigation into the associative-derivational meaning of a personal name. The approach suggested in this article relies on the theoretical model of the meaning of a proper name proposed by Marina Golomidova and complemented by Elena Berezovich. The model distinguishes two ranges of semantic properties. The first one, “vertical”, represents an hierarchical set of components similar to those of an appellative meaning (conceptual core, pragmatic meanings and semantic relations). The second one, “horizontal”, covers all possible semantic “spreadings” of the name determined by its capacity to participate in derivational processes. Thus, each fact of secondary (appellative or quasi-appellative) use of a name can be represented as a projection of one or several constituents of its original proprial meaning. The article focuses on those elements of the proprial meaning which pertain to the semantic core: general and particular “categorical” meanings (determining the opposition of the name to an appellative and to other categories of names), individualizing semantic component (reference to a particular denotatum), but also information on the name’s use and its connotations. The semantic field formed by the derivatives from the name *Ivan* provides rich data for such theoretical observations. It also enables to extend and to specify the original theoretical model by adding gender and ethnic semantic components pertaining respectively to the semantic core and the pragmatic zone of the proprial meaning. The author also points out that deonyms may have multiple motivations when several semantic components of the name are actualized simultaneously or due to other systemic linguistic mechanisms (extension of an existing pattern of deonymic derivation, influence of the connotative background of other similarly sounding names, etc.).

Key words: Russian language, anthroponym, meaning of a personal name, connotation, deonymization, appellativization, derivational family of a name.

Afanasyeva-Medvedeva, G. V. (2007–). *Slovar’ govorov russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri* [Dictionary of the Dialect of Old-Timers of the Lake Baikal Region] (Vols. 1–). Saint Petersburg: Nauka; Irkutsk: [s. n.].

Bakhvalova, T. V. (Ed.). (1989–). *Slovar’ orlovskikh govorov: ucheb. posobie po russkoi dialektologii* [Dictionary of Orel Dialects. A Handbook of Russian Dialectology] (Vols. 1–). Yaroslavl: Yaroslav. gos. pedinstitut; Orel: Orlov. gos. un-t.

Beloborodov, V. K. (2007). *Slovo za slovo: osobennosti rechi surgutian v 1940–1950-e gg.: slovar’-vospominanie* [One Word Leads to Another: The Speech of the Inhabitants of Surgut in 1940s — 1950s: A “Recollection” Dictionary]. Khanty-Mansiisk: Poligrafist.

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul’tura. Etnolingvicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Investigations]. Moscow: Indrik.

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary in the Context of Slavic Languages: A Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.

- Berezovich, E. L., & Krivoschchapova, Yu. A. (2011). Sibir' v russkoi iazykovoi traditsii (na inoiazychnom fone) [Siberia in the Russian Language Tradition (As Compared to Other Languages)]. In S. M. Tolstaya (Ed.), *Prostranstvo i vremia v iazyke i kul'ture* [Space and Time in Language and Culture] (pp. 110–157). Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L., & Krivoschchapova, Yu. A. (2015a). Derivatsionno-frazeologicheskoe gnezdo Moskva v russkom i inostrannykh iazykakh [A Derivational Family Moskva in the Russian and Other Languages]. *Slavia*, 84 (1), 82–94.
- Berezovich, E. L., & Krivoschchapova, Yu. A. (2015b). Obraz Moskvy v zerkale russkogo i inostrannykh iazykov: Chelovek. Kul'tura. Politika i ekonomika [The Image of Moscow in the Mirror of the Russian and Foreign Languages: Man. Culture. Politics and Economy]. *Quaestio Rossica*, 1, 129–153. <http://dx.doi.org/10.15826/qr.2015.1.083>
- Bigarne, Ch. (1891). *Patois et locutions du pays de Beaune* [The Dialect and Expressions of the Beaune Region]. Beaune: A. Batault.
- Bondarenko, E. D. (2015). *Naivnaia lingvistika dialektonositelei: etnosotsiolingvisticheskie aspekty* [The “Naive Linguistics” of Dialect Speakers: Ethno- and Sociolinguistic Aspects] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University.
- Borisova, A. N., & Prokosheva, K. N. (Eds.). (2000–2002). *Slovar' permskikh govorov* [A Dictionary of the Perm Dialects]. (Vols. 1–2). Perm: Knizhnyj mir.
- Chernykh, A. V. (2009). *Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e. Prazdniki i obriady kontsa XIX — serediny XX v.* [Russian Popular Calendar in the Kama River Region. Feasts and Rites of the late 19th — middle 20th Centuries] (Part 3). Perm: Pushka.
- Dal, V. I. (1993). *Posloviety russkogo naroda* [The Proverbs of the Russians] (Vols. 1–3). Moscow: Russkaia kniga.
- Dolgunshchikov, V. G., & Smetanina, Z. V. (Eds.). (1996–). *Oblastnoi slovar' viatskikh govorov* [The Regional Dictionary of the Vyatka Dialects] (Vols. 1–). Kirov: Izd-vo ViatGGU.
- Druzhinina, M. F. (1997–2007). *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov na territorii Iakutii* [A Dictionary of Aged People's Russian Dialects on the Territory of Yakutiya] (Vols. 1–4). Yakutsk: Izd-vo Yakut. gos. un-ta.
- Dushechkina, E. V. (2007). *Svetlana. Kul'turnaia istoriia imeni* [Svetlana. The Cultural History of the Name]. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge.
- Dviniatin, F. N. (2001). Poslovichnyi Foma [The Foma from Proverbs]. In *Imia: vnutrennaia struktura, semanticheskaia aura, kontekst* [Name: Internal Structure, Semantic Aura, Contexts] (Part 2, pp. 143–144). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian language]. (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Fedorov, A. I. (Ed.). (1983). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [A Phraseological Dictionary of Siberian Russian Dialects]. Novosibirsk: Nauka.
- Fedorov, A. I. (Ed.). (1999–2006). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [A Dictionary of the Russian Dialects of Siberia] (Vols. 1–5). Novosibirsk: Nauka.
- Feoktistova, L. A. (2009). Iazykovoi obraz i var'irovanie lichnogo imeni [Linguistic Image and Personal Name Variation]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 268–270). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Feoktistova, L. A. (2012). Apelliativnye derivaty lichnogo imeni i ego semantika (na materiale russkogo i pol'skogo iazykov) [Appellative Derivatives of a Personal Name and Its Semantics (With Reference to the Russian and Polish Languages)]. In M. E. Rut (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda: sb. nauch. st. pamiati prof. A. K. Matveeva* [The Language and the People's Past: A Collection of Articles in memory of Aleksandr Matveev] (pp. 229–241). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Filin, F. P., Sorokoleto, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of the Russian Popular Dialects] (Vols. 1–). Moscow, Leningrad (Saint Petersburg): Nauka.

- Frolova, O. E. (2007). *Mir, stoiashchii za tekstom: Referentsial'nye mekhanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoi skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo teksta* [The World behind the Text: Referential Mechanisms of Proverbs, Anecdotes, Fairy Tales and Literary Narratives]. Moscow: Izd-vo LKI.
- Gerd, A. S. (Ed.). (1994–2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [A Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Territories] (Vols. 1–6). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Golikova, D. M. (2014). Otantropnimicheskaia derivatsiia vo frantsuzskom iazyke: semanticheskoe pole «glupost'» [Deanthroponymic Derivation in Russian and French. The Semantic Field of 'Foolishness']. In Zh. A. Khramushina, A. S. Porshneva, L. A. Zapevalova et al. (Eds.), *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka* [Topical Issues of the Philological Studies of the 21st Century] (pp. 12–18). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskustvennaia nominatsiia v onomastike* [Artificial Naming in Onomastics]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Grachev, M. A. (2009). *Russkaia vorovskaia klichka: mify i real'nost'* [Russian Thieves' Nicknames: Myths and Reality]. Moscow: ELPIS.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Popular Traditions]. Moscow: Indrik.
- Ivanova, A. I. (Ed.). (1974–2005). *Slovar' smolenskikh govorov* [A Dictionary of the Dialects of the Smolensk Region] (Vols. 1–11). Smolensk: SGPI (SGPU).
- Ivanova, O. V. (2010). «Ivan da Mar'ia» v kontekste russkoi kul'tury i v proizvedeniakh poetov Smolenskoi poeticheskoi shkoly ['Ivan and Maria' in Russian Culture and the Works by the Poets of the Smolensk School]. In A. T. Tvardovskii i Smolenskaia poeticheskaja shkola: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia poeta [Aleksandr Tvardovsky and the Smolensk School of Poetry: On the Poet's 100th Anniversary] (pp. 168–176). Smolensk: Smiadyn'.
- Ivashko, L. A. (Ed.). (2003–2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Area] (Vols. 1–2). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.
- Kachinskaya, I. B. (2005). Imia sobstvennoe kak naritsatel'naia kharakteristika lichnosti (po materialam arkhangel'skikh govorov) [A Proper Name as an Appellative Characteristic of a Person]. In *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk* [Onomastics within Human Sciences] (pp. 83–85). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta.
- Kashevskaya, Yu. I. (Ed.). (1986–1989). *Slovar' russkikh govorov Pribaikal'ia* [A Dictionary of the Lake Baikal Area Russian Dialects] (Vols. 1–4). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta.
- Kogan, E. S. (2014). Imia sobstvennoe v dialektnom frazeologizme: etapy idiomatizatsii [Proper Names in Dialectal Idioms: Stages of Idiomatization]. *Voprosy onomastiki*, 1, 122–127.
- Kolesnikova, S. V., Kornilov, G. E., & Lotria, L. V. (2003). *Slovar' russkikh govorov Chuvashskoi Respubliki* [A Dictionary of the Russian Dialects of Chuvashia]. Cheboksary: Chuvash. gos. un-t.
- Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simvolika slavianskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary and Symbolism of the Slavic Traditional Botany in the Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik.
- Krivoshchapova, Yu. A. (2007). *Russkaia entomologicheskaja leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian Entomological Vocabulary in the Ethnolinguistic Perspective] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Krivoshchapova, Yu. A. (2015). Obraz Volgi v russkoi iazykovoi traditsii [The Image of the Volga in the Russian Language Tradition]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 155–157). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kucharzyk, R. (2010). *Slownictwo odantropnimiczne w gwarach polskich* [Deanthroponymic Lexis in Polish Dialects]. Kraków: Lexis.
- Kuznetsova, M. A., Reznikova A. S. (1992). *Skazaniia o lekarstvennykh rasteniakh* [Legends on Official Plants]. Moscow: Vyssh. shk.

- Leontyeva, T. V. (2008). *Intellekt cheloveka v russkoi iazykovoï kartine mira* [Human Intellect in the Russian Language Worldview]. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-ped. un-t.
- Melnichenko, G. G. (Ed.). (1981–1991). *Iaroslavskii oblastnoi slovar'* [The Yaroslavl Regional Dictionary] (Vols. 1–10). Yaroslavl: Izd-vo Yarosl. gos. ped. in-ta.
- Mikhaleva, T. V., et al. (Eds.). (2013). *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia* [A Dictionary of the Russian Dialects on the Territory of Mordovia] (Parts 1–2). Saint Petersburg: Nauka.
- Malecha, N. M. (2002–2003). *Slovar' govorov ural'skikh (iaitskikh) kazakov* [A Dictionary of Ural Cossacks' Dialects] (Vols. 1–4). Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (1996). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Dopolneniia* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Middle Urals. Additions]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of the Dialects of the Russian North]. (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Mistral, F. (1979). *Lou Trésor dou Félibrige ou Dictionnaire provençal-français* [The Provençal-French Dictionary] (Vols. 1–2). Raphèle-lès-Arles: M. Petit.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2001). *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [A Dictionary of Proverbs of the Pskov Region]. Saint Petersburg: Norint.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [A Great Dictionary of Russian Popular Comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.
- Opyt oblastnogo velikorusskogo slovaria, izdannyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk* [The Great Russian Regional Dictionary Edited by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences] (1852). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.
- Otin, E. S. (2010). *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Connotative Proper Names] (3rd ed.). Donetsk: Iugo-Vostok.
- Panikarovskaya, T. G. (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govorov* [A Dictionary of the Vologda Dialects] (Vols. 1–12). Vologda: Vologod. gos. pedinstitut; Rus'.
- Pashchenko, V. A. (1999–2009). *Materialy k slovariu frazeologizmov i innykh ustoiichivnykh sochetanii Chitinskoi oblasti* [Materials for a Dictionary of Idioms and Collocations on the Territory of the Chita Region] (Vols. 1–5). Chita: Zabaik. gos. ped. un-t.
- Podyukov, I. A. (Ed.). (2010–2012). *Slovar' russkikh govorov Iuzhnogo Prikam'ia* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Kama Region] (Vols. 1–3). Perm: Perm. gos. ped. un-t; Perm. gos. gumanitar.-ped. un-t.
- Prokh, L. Z. (1983). *Slovar' vetrov* [A Dictionary of Winds]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Prokosheva, K. N. (2002). *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [A Phraseological Dictionary of the Perm Dialects]. Perm: Izd-vo Perm. gos. ped. un-ta.
- Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [The Pskov Regional Dictionary Supplemented with Historical Data] (Vols. 1–) (1967–). Leningrad; Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Rodionova, I. V. (2000). *Imena bibleisko-khristianskoi traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Christian and Biblical Names in the Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Rodionova, I. V. (2001). K voprosu o spetsifike otrazheniia pretседentnogo teksta na urovne iazykovykh otonomasticheskikh nominatsii [On the Reflection of “Precedent” Texts in Deonyms]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seria «Gumanitarnye nauki»*, 4, 64–68.
- Rodionova, I. V. (2004a). Glagoly s antroponimicheskoi kornevoi morfemoi v russkikh narodnykh govorakh (I) [Verbs with an Anthroponymic Stem in Russian Dialects]. In M. E. Rut, L. A. Feoktistova (Eds.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialectal Lexis] (pp. 63–77). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Rodionova, I. V. (2004b). Derivaty bibleiskikh antroponimov v narodnoi iazykovoï traditsii (slovarnye materialy) [Derivatives from Biblical Anthroponyms in the Popular Language Tradition (Materials for a Dictionary)]. *Voprosy onomastiki*, 1, 121–144.

- Rodionova, I. V. (2005). Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniia v russkikh narodnykh govorakh [Characterological Nouns Formed from Anthroponyms in Russian Dialects]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (10), 159–189.
- Rodionova, I. V. (2007). K izucheniiu protsessa atraktsii s uchastiem otantroponimicheskikh derivatov (na materiale russkikh narodnykh govorov) [On Attraction as Applied to Deanthroponymic Derivatives (With Reference to Russian Dialects)]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiya. 2003–2005* [Etymology. 2003–2005] (pp. 197–209). Moscow: Nauka.
- Romashchenko, L., & Gavrilova, T. (2009). Paremiograficheskaia onomastika v kontekste razlichnykh etnokul'tur [Paremiographic Onomastics in the Context of Different Ethnic Cultures]. In V. Vilimek (Ed.), *Parémie národů slovanských IV* [Idioms of Slavic Peoples IV] (pp. 201–206). Ostrava: Ostravská univerzita.
- Rut, M. E. (2001). Antroponimy: razmyshleniia o semantike [Anthroponyms: Some Thoughts on their Meaning]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seria «Gumanitarnye nauki»*, 4, 59–64.
- Rut, M. E. (2008a). Imia *Vasilii* v russkom iazykovom prostranstve [The Personal Name *Vasily* in the Russian Language]. In E. V. Brysina (Ed.), *U chistogo istochnika rodnogo iazyka: sb. nauch. st. k 60-letiiu prof. V. I. Supruna* [At the Limpid Source of the Native Language: A Collection of Articles on the 60th Anniversary of Professor Vasily Suprun] (pp. 209–214). Volgograd: Peremena.
- Rut, M. E. (2008b). Faktory formirovaniia konnotativnykh smyslov imeni: *Ekaterina* i proizvodnye [Factors of the Formation of Connotative Meanings of a Name: *Ekaterina* and Derivatives]. *Psicholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatel'nosti*, 6, 102–119.
- Rutkowski, M. (2007). *Nazwy własne w strukturze metafory i metonomii. Proces deonimizacji* [Proper Names in Metaphoric and Metonymic Transfer. The Process of Deonymization]. Olsztyn: Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Sergeyeva, L. N. (2004). *Materialy dlia ideograficheskogo slovaria novgorodskikh frazeologizmov* [Materials for an Ideographic Dictionary of Idioms of the Novgorod Region]. Velikii Novgorod: NovGU im. Iaroslava Mudrogo.
- Shansky, N. M. (Ed.). (1963–). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–). Moscow: Izd-vo MGU.
- Shur, V. V. (2010). *Ulasnae imia u mastatskim tekstse* [Proper Names in Literary Texts]. Mazyr: Mazyrski dziarzh. ped. un-t imia I. P. Shamiakina.
- Sirotkina, T. A. (2008). Regional'nyi etnonimikon kak polevaia struktura [Regional Ethnonymikon as a Field Structure]. In E. V. Brysina (Ed.), *U chistogo istochnika rodnogo iazyka: sb. nauch. st. k 60-letiiu prof. V. I. Supruna* [At the Limpid Source of the Native Language: A Collection of Articles on the 60th Anniversary of Professor Vasily Suprun] (pp. 214–219). Volgograd: Peremena.
- Smolnikov, S. N. (2005). Aktual'naia i potentsial'naia russkaia antroponimiia [Actual and Potential Russian Anthroponymy]. *Voprosy onomastiki*, 2, 23–35.
- Spiridonov, D. V. (2011). K etnolingvisticheskoi kharakteristike imeni *Zhak* vo frantsuzskikh dialektakh [Ethnolinguistic Characteristics of the Name *Jacques* in French Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 1, 36–50.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2012). K sopostavitel'nomu izucheniiu semanticheskikh derivatov lichnogo imeni: rus. *Ivan*, pol'sk. *Jan*, fr. *Jean* [Towards a Comparative Study of Semantic Derivatives of a Personal Name: Russian *Ivan*, Polish *Jan*, French *Jean*]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 268–270). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2015). Russkii *Ivan* i ego «brat'ia»: pol'sk. *Jan* i fr. *Jean* (k voprosu ob etnokul'turnoi spetsifike lichnogo imeni) [Russian *Ivan* and his 'Brothers': Polish *Jan* and French *Jean* (Notes on the Ethno-Cultural Specificity of Personal Names)]. *Acta onomastica LVI* (in press).
- Stavshina, N. A. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [A Phraseological Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora Area]. (Vols. 1–2). Saint Petersburg: Nauka.

- Stepanova, F. V. (2010). Kontsept binoma *Ivan i Mariia* v russkoi kartine mira [The Concept of the Binominal *Ivan and Maria* in the Russian Language Worldview]. In *Problemy obshchei i regional'noi onomastiki* [Problems of General and Regional Onomastics] (pp. 82–85). Maikop: Izd-vo AGU.
- Strogova, V. P. (Ed.). (1992–2000). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [The Novgorod Regional Dictionary] (Vols. 1–13). Novgorod: Izd-vo Novg. pedinstitutu; Veliky Novgorod: Novg. gos. un-t.
- Suprun, V. I. (2012). Apelliativno-onimicheskii kompleks kak forma sushchestvaniia periferiinykh imov v iazyke [Appellative-Proprial Complex as a Form of Existence of Peripheral Proper Names in the Language]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 146–147). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Tikhomirova, A. V. (2013). *Assotsiativno-derivatsionnaia i frazeologicheskaiia semantika naimenovanii odezhdy v russkoi iazykovoii traditsii* [Associative, Derivational and Phraseological Meanings of the Names of Clothes in the Russian Language Tradition] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Timofeev, V. P. (2003). *Frazeologiya dialektnoi lichnosti: slovar'* [Idioms of a Dialect Speaker: A Dictionary]. Shadrinsk: Izd-vo Shadrin. ped. in-ta.
- Tolstaya, S. M. (2005). K poniatiiam apelliativizatsii i onimizatsii [On the Notions of Appellativization and Onymization]. In *Onomastika v krugu gumanitarnykh nauk* [Onomastics among Human Sciences] (pp. 24–27). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Valiusinskaia, Z. V., Vygonnaya, M. P. et al. (Eds.). (1975–1976). *Slovar' russkikh donskikh govorov* [A Dictionary of the Russian Cossacks' Dialects]. (Vols. 1–3). Rostov-on-Don: [s. n.].
- Verrier, A.-J., & Onillon, R. (1908). *Glossaire étymologique et historique des patois et des parlers de l'Anjou* [The Etymological and Historical Dictionary of the Dialects of Anjou] (Vols. 1–2). Angers: Germain & G. Grassin.
- Yurina, N. Yu. (2010). Kontseptual'nost' imeni sobstvennogo [On the Conceptuality of a Proper Name]. In A. S. Shcherbak (Ed.), *Onomastika i obshchestvo: iazyk i kul'tura* [Onomastics and Society: Language and Culture] (pp. 190–192). Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina.
- Zdobnova, Z. P. (Ed.). (1997–2005). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii* [A Dictionary of the Russian Dialects of Bashkiria] (Vols. 1–5). Ufa: Gilem.

Received 2 February 2016